

DOI: 10.46698/VNC.2023.88.49.010

ОСЕТИНСКИЕ МИФО-ФОЛЬКЛОРНЫЕ ТРАДИЦИИ В ХУДОЖЕСТВЕННОЙ РЕЦЕПЦИИ К.Л. ХЕТАГУРОВА

В.И. Бекоев

Статья посвящена исследованию фольклорной основы поэмы К.Л. Хетагурова «Хетаг». В ней особое внимание уделяется вопросам творческого использования поэтом осетинских преданий о Хетаге, послуживших основой создания названного произведения. Актуальность статьи обусловлена тем, что ранее опубликованные работы по исследованию фольклорных традиций поэмы были написаны в советский период и, за исключением отдельных работ, вопросы творческого использования сюжетов, образов и мотивов осетинского фольклора К. Хетагуровым рассматривались с учетом существующей тогда идеологии, нередко в искаженной форме. В основном это было связано с тем, что авторы названных исследований стремились представить К. Хетагурова убежденным атеистом, кем он и не был, как не был и ортодоксальным верующим. Об этом ярко свидетельствуют произведения самого поэта. В исследовании с учетом достижений современной фольклористики подвергается комплексному осмыслению фольклорная основа поэмы «Хетаг». Работа выполнена на основе комплексного подхода с применением историко-сопоставительного, аксиологического методов с широким применением текстологического анализа. Осетинское народно-поэтическое творчество оказало огромное влияние как на содержание, так и на форму произведений поэта. К. Хетагуров сам был большим знатоком осетинского фольклора, его ревностным собирателем. С этой целью он часто посещал разные населенные пункты Осетии, встречался с талантливыми певцами и сказителями. К использованию мотивов, образов, сюжетов устного народного творчества Коста подходил как философ, глубоко мыслящий художник слова. Особенно широко были использованы им традиции фольклора в поэтическом творчестве. Вводя образы, сюжеты, мотивы осетинского фольклора в художественную ткань своих произведений, он пытался осмыслить народное отношение к тем или иным историческим событиям, жизненно важным вопросам, которые волновали людей на разных этапах их нелегкой многовековой жизни.

Ключевые слова: предание, сказитель, Роца Хетага, религия, мотив, сюжетостроение, рецепция.

Для цитирования: Бекоев В.И. Осетинские мифо-фольклорные традиции в художественной рецепции К.Л. Хетагурова // Известия СОИГСИ. 2023. Вып. 49 (88). С. 130-143. DOI: 10.46698/VNC.2023.88.49.010

Коста Леванович Хетагуров (1859-1906) – основоположник осетинской литературы и литературного языка, талантливый поэт, прозаик, драматург, художник яркого самобытного дарования, общественный деятель, журналист. Определяя роль К.Л. Хетагурова в культурном пространстве осетинского народа, крупнейший языковед, глубокий исследователь осетинского фольклора В.И. Абаев в статье «Коста Хетагуров –

народный поэт Осетии» писал: «Народы с гордостью произносят имена людей, в которых с наибольшей полнотой и блеском раскрылся их национальный гений. Англичанин говорит – Шекспир. Шотландец говорит – Бернс. Немец говорит – Гете. Итальянец говорит – Данте. Русский говорит – Пушкин. Мы, осетины, говорим – Коста, и душа наша наполняется гордостью и трепетной любовью» [1, 559].

К. Хетагуров как поэт, писатель, драматург вырос на традициях русской классической литературы и богатейшего народно-поэтического творчества осетинского народа. На лучших традициях русской классической литературы и искусства К. Хетагуров учился реалистическому изображению жизни простого народа, художественному мастерству. «Творчество К. Хетагурова, – подчеркивал А. Фадеев, – было глубоко национальным. Но как писатель, как поэт не мог бы сложиться таким, каким представляется нам сейчас, без идейной и художественной связи с лучшими людьми русского народа» [2, 87].

Наряду с влиянием русской классической литературы живительным источником творчества поэта служило богатейшее многожанровое осетинское народно-поэтическое творчество. Роль произведений фольклора в исторической жизни и культуре осетинского народа, не имевшего своей письменности почти до второй половины XVIII века, весьма велика. «Фольклор, – писал В.И. Абаев, – заменял осетинскому народу все: и литературу, и историю, и школу житейской мудрости» [1, 11].

Талантливые безымянные народные певцы и сказители в своих песнях, сказаниях, легендах, преданиях и других жанровых образованиях фольклора выражали народные мечты и стремления, сокровенные надежды и помыслы, опоэтизировали прошлое и настоящее своего народа. В произведениях устного народного творчества запечатлены важнейшие этапы исторической жизни этноса, его многовековой опыт, житейская мудрость, творческая фантазия, меткость и образность языка.

Нельзя сказать, что вопросы творческого использования поэтом традиций осетинского фольклора были обойдены вниманием исследователей многогранного творчества К. Хетагурова. В частности, данная проблема затрагивается в работах Л.П. Семенова, З.М. Салагаевой, В. Корзуна, А. Маликина, Мариэтты Шагинян, Н.Г. Джусойты и др. Указанными авторами была, несомненно, проделана большая работа по исследованию вопросов творческого осмысления традиций многожанрового осетинского фольклора К. Хетагуровым. Однако многие аспекты данной проблемы до сих пор не получили глубокого научного осмысления.

Работы вышеупомянутых авторов были написаны в основном в советский период и, за исключением работ Н.Г. Джусойты, вопросы творческого использования мотивов, образов, сюжетов осетинского фольклора К. Хетагуровым рассматриваются в угоду заидеологизированному литературоведению, нередко в искаженной форме. В основном это было связано с тем, что авторы таких исследований стремились представить К. Хетагурова глубоко убежденным атеистом, кем он и не был, как и не был ортодоксальным верующим.

В небольшой статье мы не ставим задачу всестороннего рассмотрения вопросов творческого использования К. Хетагуровым художественно-поэтических традиций осетинского фольклора. Ограничимся лишь рассмотрением фольклорной основы незаконченной поэмы Коста Хетагурова «Хетаг».

Над поэмой Коста начал работать в Херсоне в 1899 г., где он отбывал срок своей ссылки. Об этом свидетельству-

ет письмо поэта двоюродному брату Андукпару Хетагурову от 1 сентября 1899 г. В письме он сообщает: «Написал я около 300 строк “Хетаджи кадаг” (“Предание о Хетаге”). Выходит очень характерно» [3, 233]. Тому же Андукпару Хетагурову он писал из Владикавказа 7 марта 1902 г.: «Пишу на осетинском языке поэму “Хетаг”. Василий, которому я читал написанную уже часть, настаивает, что у Хетага было два сына – Джеорджи и Гаджи» [3, 334]. Исходя из этих сведений, Коста работал над поэмой почти три года.

Длительность работы Хетагурова над поэмой одни исследователи творчества поэта объясняют резко пошатнувшимся к этому времени его здоровьем. Поэт тяжело страдал костной болезнью. К такому выводу приходит проф. З.М. Салагаева. Другие исследователи, в частности Н.Г. Джусойты, незавершенность поэмы мотивируют тем, что «сам поэт не ясно представлял себе окончание поэмы как исторического повествования. Видимо, неясен был как исторический материал, который должна была вобрать в себя поэма, так и историческая концепция, которая должна была пронизать весь материал и сообщить ему единство и стройность. Этим, на наш взгляд, объясняется незавершенность поэмы» [4, 297]. С этим мнением исследователя, по нашему убеждению, трудно согласиться. Вряд ли маститый поэт приступил бы к написанию поэмы, не обдумав ее начало и конец. Здесь, скорее всего, ближе к истине позиция проф. З.М. Салагаевой. В пользу этой версии свидетельствуют письма самого поэта к ближайшим родственникам о своем здоровье, а также воспоминания родной сестры Ольги Хетагуровой и се-

стер Цаликовых, с которыми Коста был в дружеских отношениях.

Несмотря на то, что поэма осталась незавершенной, ее по глубине замысла, идейно-художественным достоинствам без преувеличения можно отнести к лучшим лиропоэтическим произведениям поэта.

Основой создания поэмы послужили многочисленные варианты преданий о Хетаге, пользующиеся большой популярностью среди народа. Особой любовью они пользовались среди представителей фамилии Хетагуровых, которые считали Хетага родоначальником своей фамилии и с большой гордостью рассказывали предание о своем прославленном предке, передавая его из поколения в поколение. Сам Коста, несомненно, с малых лет был хорошо знаком с легендами о Хетаге: «Предание я слышал из тысяч уст», – писал поэт во вступительной части поэмы. Не вызывает сомнения и то, что Коста был хорошо знаком и с опубликованными к этому времени вариантами преданий о Хетаге. Впервые один из вариантов предания о Хетаге появился в печати в очерке А.М. Шёгрена «Религиозные обряды осетин и ингушей и их соплеменников при разных случаях» [5]. Упоминание о названном предании мы находим в «Очерках об Осетии», опубликованных Н.Г. Берзеновым, глубоким знатоком культуры и быта осетинского народа [6].

Большой полнотой и развернутостью отличается запись предания о Хетаге, зафиксированная Джантемиром Шанаевым, известным собирателем осетинского фольклора в «Сборнике сведений о кавказских горцах» [7]. В названном сборнике был опубликован

один из вариантов преданий о Хетаге видным этнографом, осетиноведом В. Пфафом. Короткий вариант предания приводит сам поэт в своем этнографическом очерке «Особа». Хранятся в архиве К. Хетагурова и другие варианты.

Как следует из содержания разных вариантов предания, их сюжет сводится приблизительно к следующему. В далеком прошлом представители разных народов остались жить на Кубани. Здесь на берегу реки Кубани, в районе большого Зеленчука жил прославленный кабардинский князь по имени Инал. Как гласит предание, у него было три сына: старшего звали Биаслан, среднего Асламбек (в некоторых вариантах Ислам), который был бездетным, младшего – Хетаг. По одному варианту предания, Хетаг в молодом возрасте был отправлен отцом в Крым на учебу. Там он принял христианскую веру. По возвращении в Кабарду он тщательно скрывал свой переход в христианскую религию. Когда братья и ближайшие родственники узнали о его измене исламу, они решили убить его. Видя такое отношение к себе со стороны самых близких родственников, Хетаг решил тайком бежать из Кабарды в Осетию. Узнав о его бегстве, ближайшие родственники устроили погоню за ним. Оставив позади селение Эльхотово (ныне существующий населенный пункт в Северной Осетии), Хетаг направился в сторону Куртатинского ущелья. Недалеко от селения Суадаг враги стали догонять Хетага. В это время загнанный конь замертво падает под всадником. Сам Хетаг тоже выбился из сил. Единственным местом спасения для него мог бы стать огромный густой лес, растущий

на вершине горы, до которого рукой подать. Но силы полностью покинули Хетага. Вот-вот враги схватят его и безжалостно расправятся. В это время из леса послышался незнакомый голос: «В лес, Хетаг, в лес!» Изнемогающий от усталости Хетаг ответил слабым голосом: «Хетаг уже не поспеет в лес, а пусть лес поспеет к Хетагу». В это время произошло чудо: огромная часть леса сорвалась с вершины горы и окружила Хетага своими огромными ветвистыми деревьями. Когда погонщики увидели произошедшее чудо, от страха еле унесли ноги. По одной версии предания, Хетаг прожил здесь целый год у чистого родника, затем через Куртатинское ущелье добрался до высокогорного селения Нар, где и обосновался. От него, как гласит предание, пошла фамилия Хетагуровых.

Чтобы удостоверить слушателя в реальности существования Хетага, в предании указываются места, непосредственно связанные с его именем. Это якобы сохранившиеся руины построек, возведенных Хетагом, место его жилища, поляна, где он убил оленя, и т.д. Подобного рода сведения, как известно, весьма характерны для произведений устного народного творчества, особенно легенд и преданий.

С именем легендарного Хетага связан и мотив о необычайном появлении рощи Хетага, что, конечно, создано фантазией народа, его образным мышлением. Как и в предании, роща Хетага поныне находится недалеко от селения Суадаг, у входа в Куртатинское ущелье. Как и в отдаленном прошлом, так и в наше время роща Хетага считается священным местом.

Праздник Хетага, ставший в Северной Осетии официальным националь-

ным праздником, отмечается в конце июля и сопровождается щедрыми жертвоприношениями. Чтобы помолиться спасителю Хетага – *Хетаджи Уастырджи* (Уастырджи Хетага), – на праздник съезжаются верующие не только из ближайших населенных пунктов, но и со всех концов Осетии. Праздник, проводимый в честь покровителя Хетага, считался мужским праздником. До Великой Отечественной войны женщины не посещали рощу Хетага, не произносили даже его имени. Они заменяли его другим названием – *Тымбылхъæды дзуар*, что в переводе на русский язык означает «Покровитель круглоствольного леса». В тяжелые годы войны, когда все взрослые мужчины ушли на войну и некому было даже возносить молитву покровителю Хетага – Уастырджи, женщины, боясь гибели своих сыновей, мужей, братьев, перестали соблюдать эту традицию. При посещении рощи старшие женщины возносили молитву покровителю Хетага – Уастырджи, чтобы он уберег их от гибели и чтобы они вернулись домой живыми и здоровыми.

Покровитель Хетага Уастырджи (Св. Георгий) в осетинском мифологическом пантеоне приравнивается Богу. Эту характерную особенность Уастырджи подчеркивают во всех осетинских молитвословиях. О культе Уастырджи свидетельствуют различные пожелания: «*Уастырджийы хорзæх дæ уæд!*» («Пусть Уастырджи благословит тебя!»), «*Уастырджи дæ йæ рахиз базыры бын бакæнæд!*» («Пусть Уастырджи убережет тебя под своим правым крылом!»), «*Уастырджи Хетагæн цы æххууыс бакодта, уыцы æххууыс дæуæн дæр бакæнæд!*» («Какую помощь оказал Уастырджи Хетагу, такую пусть окажет и тебе!») и т.д.

С древнейших времен роща Хетага привлекала внимание народа своим необычным расположением. Она растет особняком среди огромного безлесного поля. Деревья, растущие в роще, отличаются от остальных деревьев в других местах Осетии своей необычайной высотой и толщиной стволов с широкими развесистыми ветвями. С древнейших времен осетины бережно относились к роще Хетага, содержали ее в чистоте, ухаживали, берегли от огня. По верованиям осетин, из рощи Хетага нельзя было выносить даже веточку, использовать лес в хозяйственных целях, охотиться на зверя. Нарушение этих традиций, верили люди, грозило переступившему эти запреты полной слепотой или тяжелыми болезнями.

Чем же был вызван мотив о необычайном появлении рощи Хетага? Здесь вполне можно согласиться с мнением известного этнографа-кавказоведа Г.Ф. Чурсина, который отмечал, что «в окружающей осетин природе некоторые предметы и явления оказывали весьма существенное влияние на хозяйственную жизнь и потому были окружены религиозным почитанием. Таковы прежде всего горы и леса, священные рощи и деревья, ветер и вода. Такое почитание священных рощ и т.д. наблюдалось у многих народов» [8, 176].

К аналогичному мнению приходит проф. З.М. Салагаева: «Эта роща, – писала она, – стоит особняком среди безлесной местности. Вероятно, такая обособленность рощи и явилась одной из причин, побудивших некоторую часть населения ближайших сел прийти к мысли о необычайном ее происхождении. Не умея объяснить многих явлений природы, народ обо-

жествлял их, создавая о них мифы и легенды» [9, 57].

Тексты преданий о Хетаге, опубликованные В.Б. Пфафом, Д.Т. Шанаевым, о которых упомянули выше, содержат и другие эпизоды. Так, в опубликованном Пфафом варианте Хетаг также называется сыном знатного кабардинского князя Инала. Он бежит от своих преследователей, жертвой которых стали его семь сыновей. Поселившись в Наре, он мстит своим ближайшим родственникам, постоянно совершает набеги в Кабарду. Захваченные им богатства раздает бедным, а пленных сбывает в Грузии. Однажды Хетаг, находясь в Грузии, познакомился со старцем, который дал ему три совета: «Если вас будут приглашать в гости, никогда не отказывайся», «Находясь в гневе, левой рукою держи правую», «Никогда не ставь женщину выше мужчины». Хетаг хорошо запомнил эти наставления старца. По истечении какого-то времени к Хетагу подошел один незнакомый человек, который стал приглашать его в гости. Вспомнив совет старца, Хетаг с благодарностью принял приглашение, а его товарищи, которые отказались идти к нему в гости, в эту же ночь были убиты разбойниками. В другой раз Хетага пригласил домой один незнакомый человек. За столом у него он увидел лягушку, а рядом с ней девушку необычайной красоты. Хозяин дома объяснил Хетагу, что лягушка – это его сын, а девушка – его невеста. После этого хозяин спросил Хетага, кто из них ему больше нравится – лягушка или девушка. В это время Хетаг вспомнил второй совет старца и ответил, что ему больше нравится лягушка, так как это мужчина. Как только Хетаг произнес эти слова, лягушка пре-

вратилась в прекрасного юношу. Радости отца не было конца и края, и за это он щедро одарил Хетага.

Однажды после долгого странствования Хетаг глубокой ночью вернулся в дом. За время его отсутствия сын настолько вырос, что, увидя его спящим рядом с матерью, он принял его за чужого мужчину. Охваченный ревностью, Хетаг решил безжалостно расправиться с ним. В это время Хетаг вспомнил о третьем совете старца и сдержал свой гнев. На этот раз совет старца помог ему спасти жизнь своего сына.

В преданиях о Хетаге, несмотря на их фантастическую основу, образно воссозданы многие стороны реальной жизни народа. В отдельных вариантах предания о Хетаге отражены феодально-родовые столкновения, что были характерны не только для жизни осетин, но и других народов Кавказа. Почти во всех вариантах преданий против Хетага выступают его родные братья и ближайшие родственники. Имеются и варианты преданий о Хетаге, где он изображается абреком. Как известно, абречество как социальное явление особенно было характерно на Кавказе в XIX в. Оно было своеобразной формой выражения народного протеста. В народном сознании абреки приравнивались к народным героям. «Абречество, – писал В.И. Абаев, – было своеобразной формой протеста против общественной несправедливости. Форма грубая, жесткая, дикая, но единственно для них возможная в тех условиях» [1, 394]. Отсюда народ изображает Хетага гордым, храбрым защитником простого народа от угнетателей. Хетаг угоняет табуны лошадей у знатного кабардинского князя не ради собственного обогащения: он

раздает их бедным людям. Приведенный выше эпизод в рассматриваемом варианте развит и описанием встречи Хетага со старцем.

В варианте, опубликованном Джантемиром Шанаевым, приводится эпизод, где грузинский царь, боясь нападения со стороны персов, обратился к нарцам со следующим посланием: «Пусть явится ко мне несколько человек из ваших храбрейших». На этот зов грузинского царя отправились сын Хетага Георгий, внук Гоцци и другие нарцы. Этот эпизод легенды приводит и Коста в своем этнографическом очерке «Особа»: «Участие нарских осетин в рядах грузинских войск по найму или волонтерами относится ко времени правнука Хетага – Гоцци, который, будучи небольшого роста, сразил в единоборстве персидского великана и получил от грузинского царя с соответствующей надписью и грамотой серебряную чашу. Чаша цела и до сих пор переходит по наследству от отца к старшему сыну. Из грамот грузинских царей, уцелевших в фамилии Хетагуровых, самая ранняя – пожалованная царем карталинским Арчилом (1730-1736) “в знак нашей милости нарскому Хетагурову Зидахану (Зиди) и потомкам дома вашего”» [10, 319]. Далее Коста упоминает и о других царях – Арчиле, Александре, Таймуразе, которые пожаловали нарцев грамотами за храбрость и верное служение. Включение текста легенды о Хетаге в этнографический очерк «Особа» свидетельствует об отношении К. Хетагурова к устному народному творчеству как важному источнику, имеющему огромное историко-познавательное значение.

Нетрудно заметить влияние на содержание осетинских преданий о Хе-

таге весьма популярной в Кабарде легенды о происхождении кабардинских князей, опубликованной крупным знатоком истории, культуры и быта адыгов Ш.Б. Ногмовым. В приведенной легенде он пишет, что «у Инала было пять сыновей: Жайхот, Миньболат, Беслем, Унармес и Киргиш». Как и в кабардинской легенде, так и в осетинском предании говорится о ссоре, которая произошла между братьями после смерти Инала. Однако разлад между братьями в кабардинской легенде привел к тому, что «один из них остался в Хетаге, другие поселились в Кемиргое, а остальные ушли в Кабарду» [11, 60]. Совпадают и отдельные имена действующих лиц. Инал, Биаслан (в кабардинских Беслем). Однако здесь следует отметить и тот факт, что по сравнению с кабардинской легендой осетинские варианты предания о Хетаге в своем большинстве связаны с необычным появлением рожи Хетага. Этот мотив полностью отсутствует в кабардинской легенде.

Поэма была задумана К. Хетагуровым на осетинском культурно-историческом материале. Судя по прологу, написанному на русском и осетинском языках, поэт собирается поведать потомкам о славном и доблестном предке:

Читатель! Собираюсь поведать тебе
Старинную повесть о славном
И доблестном предке, стяжавшем себе
Бессмертие в потомстве забавном

[12, 250].

Связь поэмы с преданиями о Хетаге подтверждается как манерой повествования, так и приемами изображения описываемых событий, использованием различных тропов, характерных для народной поэзии. Сюжетная линия поэмы не ограничивается только изо-

бражением истории жизни Хетага, но и связана с историческим прошлым народов Кавказа.

Сам Коста Хетагуров был хорошо осведомлен об этих исторических событиях, о героических сражениях народов Кавказа против татаро-монгольских захватчиков. Об этом ярко свидетельствует его статья «Неурядицы Северного Кавказа». В названной статье он писал, что «туземцы Северного Кавказа: осетины, чеченцы, ингуши, аварцы, абазинцы, кабардинцы, закубанские черкесы и т.д. в продолжение многих столетий пользовались полной свободой... Все перечисленные народности никогда не были ни в каком подчинении не только друг у друга, но даже и у знаменитых в свое время могущественных монголо-татарских завоевателей, вторгавшихся в пределы Северного Кавказа... Напротив, постоянные набеги храбрых и подвижных горцев, причиняя неисчислимые неудобства оседавшим на их равнинах монголо-татарским завоевателям, очень скоро заставляли последних переносить свои станы и кочевки подальше от гор...» [10, 316]. Коста хорошо понимал, каким тяжелым бременем легло на плечи народов Кавказа, в частности осетин, нашествие татаро-монгольских захватчиков. Известный исследователь фольклора народов Кавказа А.А. Ахлаков справедливо отмечал: «Суровая жизнь горцев-осетин, полная внешних и внутренних опасностей, требовала от всех членов общества высоких боевых качеств: отвагу, мужество, храбрость, и народная поэзия, являясь мощным средством воспитания, воспевала и утверждала идеал героя, мыслимого в данную историческую эпоху» [13, 38].

Как отмечено выше, в основу поэмы положены сюжеты преданий о Хетаге. Однако поэт не ограничился только рассказом о жизни «славного и доблестного предка», достойного быть примером для подражания. А какие поступки из доблестной жизни предков поэт (сказитель) считает заслуживающими подражания? Основной пример – это героическая борьба предков с иноземными захватчиками, в качестве которых в поэме выступают вооруженные до зубов войска Мамаю. (В некоторых вариантах рукописи поэмы в качестве иноземных захватчиков выступают то войска Чингисхана, то Крымского хана.)

Поэма написана в традиционном стиле кадага (*кадаг* – песнь славы, предание). Поэма состоит из пролога и двух частей. Пролог ее служит в качестве вступления к широкому эпическому повествованию. Поэт, выступая в роли народного певца-сказителя, обращается к своим слушателям, чтобы они не укоряли его, если он своим рассказом не затронет их души, не вызовет глубокие чувства переживания:

*Чидæ, мæ уарзон, мæ хæлар, мæ бастон!
Худгæ мыл мæ фæка, азым мæм ма бадар, –
Ме'взæр фæндырай та исты куы
сцæгъдон!*

Друг незнакомый из милого края,
Не укоряй ты меня, одинокого,
Коль на фандыре не звонко сыграю!
[12, 250]

Первая часть поэмы начинается с описания блестящей победы, одержанной кабардинцами (в отдельных вариантах рукописи поэмы – аланами) над вооруженными до зубов полчищами татаро-монгольских завоевателей. Против сильного и жестокого врага выступило все мужское население. Хе-

таг, возглавив войска, в жестоком бою полностью разгромил полчища Мамаю. Храбро сражаясь, многие доблестные юноши сложили свои головы во имя защиты родной земли:

*Бира хъабатыр лэппутæ дзы разынди,
Бира дзы сарда æнафон йæ мæлæт...*

Много сражалось там юношей доблестных,
Многие отдали жизнь там отчизне...

[12, 253]

В сражении с жестоким и сильным врагом особенно отличились своей храбростью сыновья старого Инала – Биаслан, Асланбек и Хетаг. Отправляя своих сыновей на бой, Инал напутствовал их, чтобы они на войне не струсил, не опозорили его седую голову. Сыновья обещали ему, что они никогда не допустят, чтобы их старший отец стал пленником врага, и сдержали слово:

И сыновья оправдали доверие,
В блеске оружия, в сабельном звоне
Насмерть стояли; и в пекло сражения
Львами кидались горячие кони.
Бились три брата – три молнии грозные,
В бой за собою других увлекая.
Хлынула рать их весенней лавиной,
Смяла, разладила войско Мамаю

[12, 255].

Бой был настолько кровопролитным и жестоким, что воды Кубани окрасились людской кровью:

К Черному морю с Кубани клокочущей
Яростно гонят казаги Мамаю,
Мертвых тела островками качаются,
Вниз по багряной реке уплывая...

[12, 253]

Победоносно завершив сражение, захватив много вражеских трофеев, войска во главе с Хетагом с радостными песнями возвращаются домой:

Много людей истребили мамаевых,
Много сокровищ аланам досталось,
Гордые, весело едут под знаменем,
Песня летит, побеждая усталость...

[12, 253]

Народ от мала до велика с ликованием встречает своих героев. Встречает победителей и сам старший князь Инал с другом Солтаном и абазинским князем. Подойдя к ним, старший сын Инала Биаслан подробно рассказал им о подвигах и проявленной храбрости всех участников сражения. Но среди них особо отличился своей воинской отвагой и доблестью Хетаг. Старший князь Инал, довольный подвигами своих храбрых сыновей и доблестных воинов, победивших сильного и коварного врага, устраивает в их честь богатое пиршество. На этом заканчивается первая глава поэмы.

Вторая глава поэмы начинается с описания щедрого пиршества, продолжавшего целую неделю:

*Уыцы иу абонæй, иу иннæ абонмæ
Дзыллæтæ минас фæкодтой Иналмæ,
Ахæм куывд, ахæм хъазт нукуууал
фендæуыд
Аланы зæххыл мыггагæй мыггагмæ...*

Было народу великое множество
Ровно неделю в гостях у Инала...
Ой, никогда ни в какие столетия
Пира такого земля не видала!

[12, 261]

Для кадага вышеприведенное содержание с имеющимся сюжетостроением было бы вполне достаточным, чтобы уложиться в рамки понятия «предание», т.е. эпического «рассказа» о былом историческом прошлом, основанном на одном важном для народа эпизоде с установкой на историческую

действительность» [14, 117]. Эту характерную особенность анализируемого произведения отмечал известный исследователь творчества К. Хетагурова Н.Г. Джусойты. «Хетагуров, – писал он, – внес в жанр кадага нечто несвойственное традиции. Неожиданно в кадаг вводится конфликт, который приличен для поэмы, но неизвестен ни одному из осетинских народных кадагов» [4, 297].

Что же послужило основой конфликта? На празднике, устроенном в честь победы над сильным врагом, нарядно одетые юноши и девушки радостно танцуют, веселятся. Много здесь собиралось красивых девушек. Но среди них необычайной красотой отличаются две дочери Солтана – Чабахан и Залихан:

В ярких нарядах кружились там девушки
В симде, – пригожие все, молодые.
Но к дочерям несравненным Солтановым
Были прикованы взоры людские...
С разных сторон наезжают к ним свататься
Много князей, узденей и султанов,
Но никого себе сестры не выбрали
А выходить бы и младшей не рано
[12, 263].

Все радуются празднику, но только один Хетаг не предается всеобщему ликованию. Старый Солтан, ведущий праздничного застолья, подозвал Хетага, чтобы поблагодарить его перед собравшимися за проявленное мужество и храбрость. Затем он выразил свое согласие выдать за него замуж любую из своих дочерей, кого он сам выберет. Слова Солтана были встречены сидящими за праздничным столом с большой радостью и одобрением:

Слава! Восторженно гости воскликнули,
Так что качнулись высокие стены.

Чаши наполнились – всем он понравился,
Этот Солтана подарок бесценный
[12, 267].

Хетаг опустил голову и после долгого молчания ответил, что он был бы рад и счастлив назвать имя его старшей дочери, но она по одной определенной причине никогда не согласится стать его женой, хотя они давно любят друг друга. Скоро выясняется эта причина. Оказывается, Хетаг, находясь в Крыму, познакомился с одним монахом и, будучи мусульманином, принял христианскую веру, что не дает любящим друг друга соединить свою жизнь супружескими узами. Назревает конфликт между старыми испытанными друзьями. Ситуация сложная: с одной стороны, Хетаг – вероотступник, с другой, – герой, прославивший себя своими ратными подвигами на войне против сильных и коварных иноземных захватчиков. Солтан со своими дочерьми и с их кормилицей спешно собирается домой. Но сам Солтан замешкался с отъездом. Уединившись с Иналом, он сообщает ему о своем согласии выдать свою дочь за Хетага, рассчитывая на то, что Хетаг одумается и вернется к религии отцов и дедов. Он уверен, что его дочь будет счастлива только с Хетагом. А что касается религии, то она, по его мнению, не должна быть помехой в определении достоинств человека:

– Что вера? Кто верует в Бога, они все
Молитвы возносят единому Богу:
И христиане и мусульмане,
Всем им Бог помогает [12, 222]
(подстрочный перевод наш. – В.Б.).

Как видим, Солтан переступает суровые законы адатов и соглашается выдать свою дочь за иноверца. Воодушевленный неожиданным решением

Солтана, Инал искренне благодарит его. Старые испытанные друзья крепко пожали друг другу руки, обговорили и день свадьбы Хетага и Чабахан. Как видим, конфликт, разгоревшийся между чувством и разумом, решается в пользу последнего. О своем намерении перед отъездом Солтан сообщает и старикам, сидящим на нихасе (*нихас* – место решения важных общенародных вопросов). Старики это сообщение Солтана встретили с большим одобрением:

Старший нихаса ответил торжественно:

«Люб нам, Солтан, ты всегда и повсюду!

Пусть же порукою счастья и верности

Скоро меж вами появится внучек!»

«Слава богам!.. Но ведь внук – это мало

нам;

Девять внучат не пошлют ли нам боги?..

Дней вам счастливых. Живите

во здравии!..»

Люди ответили: «Доброй дороги!..»

[12, 277]

На этой оптимистической ноте завершается повествование поэмы. Из законченного текста трудно определить ее дальнейшую идейную концепцию. Здесь хотелось бы упомянуть еще об одной важной детали. В рукописных вариантах поэмы Хетаг после свадьбы с женой и своими преданными друзьями решили переехать в Осетию и поселиться в Наре. Свое решение обосновать в Наре Хетаг объясняет тем, что там когда-то жили храбрые и могучие нарты. По пути на них нападает отряд вооруженных разбойников. В неравном бою погибают его друзья. И далее, как и в остальных вариантах предания, вводится мотив появления рожи Хетага. Этим завершается легендарное в сюжете поэмы, и повествова-

ние снова переходит на военную тему. На этот раз это война грузин против персидских завоевателей. Грузинский царь Вахтанг, осведомленный о военных подвигах Хетага, отправляет к нему князя Дадиани. В своем послании он просит Хетага об оказании ему военной помощи в борьбе против персидских захватчиков, угрожающих грузинам полным уничтожением в случае неуплаты им дани в установленный срок. Услышав о том, что Грузии грозит опасность, Хетаг созывает мужчин Нарского, Куртатинского, Мамисонского и других ущелий, чтобы узнать их мнение. Народ единодушно принимает решение об оказании помощи грузинскому царю в борьбе против персов. За короткое время Хетаг собрал пятьдесят тысяч воинов со всех ущелий и с ними двинулся в сторону Грузии. Вот что говорится об этом в одном из вариантов рукописи поэмы «Хетаг»: *«Иу майма Хетаг аргамбырд кодта дас ама дыууиссæдз мины алы кæмттæй взарга хъæбатыр лæгтæ ама лæппулагтæ. Къниаз Дадиани бирæ дистæ фæкодтæ»*. – «В течение месяца Хетаг собрал из разных ущелий пятьдесят тысяч отборных юношей и мужчин среднего возраста. Князь Дадиани был этому сильно удивлен». На подступах к Тифлису навстречу к ним вышли благодарные грузинские войска во главе с князем Чавчавадзе.

Как известно из сохранившихся письменных источников, осетины героически сражались наравне с грузинскими войсками против персидских захватчиков. Об этом участии осетин в этой войне, как отметили выше, подробно пишет К. Хетагуров в своем этнографическом очерке «Особа».

Резюмируя вышеизложенное, можно сделать вывод о том, что поэма «Хетаг», несмотря на ее незаконченность, по глубине замысла, по своим идейно-художественным достоинствам не уступает лучшим лироэпическим произведениям К. Хетагурова. Опираясь на традиции осетинского фольклора, в частности на варианты широко распространенного предания о Хетаге, автор не ограничился только сюжетом названного предания, но и реалистически изобразил различные стороны прошлой жизни народов Кавказа, в частности их героическую борьбу против татаро-монгольских захватчиков.

1. Абаев В.И. Избранные труды. В 4-х т. Владикавказ: Ир, 1990. Т. 1. Религия. Фольклор. Литература. 638 с.
2. Коста Хетагуров: Сборник памяти великого осетинского поэта / Под ред. А.А. Фадеева. М.: Гослитиздат, 1941. 251 с.
3. Хетагуров К.Л. Полное собрание сочинений. В 5-ти т. Владикавказ, 2000. Т. 3. 609 с.
4. Джусойты Н.Г. История осетинской литературы. В 2 кн. Тбилиси: Мецниереба, 1980. Кн. 1 (XIX в.). 331 с.
5. Шёгрэн А.М. Религиозные обряды осетин, ингушей и их соплеменников при разных случаях // Маяк. 1843. Т. VII. Кн. 13-14.
6. Берзенов Н.Г. Очерки об Осетии // Кавказ. 1850. № 15.
7. Шанаев Д.Т. Осетинские народные сказания // Сборник сведений о кавказских горцах. 1870. Вып. 3.
8. Чурсин Г.Ф. Осетины: Этнографический очерк // Труды Закавказской научной ассоциации. Материалы по изучению Грузии. Юго-Осетия. Тифлис: Тип. газ. «Заря Востока», 1925. Серия 1. Вып. 1. С. 3–103, 132–232.
9. Салагаева З.М. Коста Хетагуров и осетинское народное творчество. Орджоникидзе: Сев.-Осет. кн. изд-во, 1959. 196 с.
10. Хетагуров К.Л. Полное собрание сочинений в пяти томах. Владикавказ: СОИГСИ, 2000. Т. 4. 505 с.
11. История адыгейского народа, составленная по преданиям кабардинцев Шора-Бекмурзин-Ногмовым, дополненная предисловием и исправленная сыном его Еруст.-Шора-Бекмурзин-Ногмовым. 3-е изд., доп. Пятигорск: Ерустан-Шора-Бекмурзин-Ногмов, Тип. И.П. Афанасьева, 1891. 144 с.
12. Хетагуров К.Л. Полное собрание сочинений. В 5-ти т. Владикавказ, 1999. Т. 1. 485 с.
13. Ахлаков А.А. Исторические песни народов Дагестана и Северного Кавказа. М.: Наука, 1981. 228 с.
14. Кравцов Н.И., Лазутин С.Г. Русское устное народное творчество. 2-е изд. М.: Альянс, 2014. 446 с.

Bekoev, Vladimir I. – V.I. Abaev North Ossetian Institute for Humanitarian and Social Studies of the Vladikavkaz Scientific Centre of RAS (Vladikavkaz, Russia); literkaf@yandex.ru

OSSETIAN MYTHO-FOLKLORE TRADITIONS IN ARTISTIC RECEPTION BY K.L. KHETAGUROV.

Keywords: legend, kadag, song, legend, narrator, prologue, singer, Khetag Grove, religion, fantasy, motif, plot construction, reception.

The article is devoted to the study of the folklore basis of the poem by K.L. Khetagurov "Khetag". It pays special attention to the poet's creative use of the Ossetian legends about Khetag, which served as the basis for the creation of the named work. The relevance of the article is due to the fact that previously published works on the study of the folklore traditions of the poem were written in the Soviet period and, with the exception of individual works, the issues of creative use of plots, images and motives of Ossetian folklore by K. Khetagurov were considered taking into account the then existing ideology, often in a distorted form. This was mainly due to the fact that the authors of these studies sought to present K. Khetagurov as a convinced atheist, which he was not, just as he was not an orthodox believer. This is clearly evidenced by the works of the poet himself. In the study, taking into account the achievements of modern folklore, the folklore basis of the poem "Khetag" is subjected to a comprehensive understanding. The work was carried out on the basis of an integrated approach using historical-comparative, axiological methods with a wide use of textual analysis. The methodological basis of the article was the scientific research of N.G. Dzhusoitya, Marietta Shaginyan, Z.M. Salagaeva and other authors, which touch upon the issues of creative use of folklore traditions in the works of K.L. Khetagurov. Ossetian folk-poetic creativity had a huge impact on both the content and the form of the poet's works. K. Khetagurov himself was a great connoisseur of Ossetian folklore, his zealous collector. To this end, he often visited different settlements of Ossetia, met with talented singers and storytellers. Costa approached the use of motives, images, plots of oral folk art as a philosopher, a deeply thinking artist of the word. He used especially widely the traditions of folklore in his poetic work. Introducing images, plots, motifs of Ossetian folklore into the artistic fabric of his works, it was important for him to understand the people's attitude to certain historical events, vital issues that worried people at different stages of their difficult centuries-old life.

For citation: Bekoev, V.I. Ossetian mytho-folklore traditions in artistic reception by K.L. Khetagurov // *Izvestiya SOIGSI*. 2023. Iss. 49 (88). Pp. 130-143. (in Russian). DOI: 10.46698/VNC.2023.88.49.010

References

1. Abaev, V.I. *Religiya. Fol'klor. Literatura* [Religion. Folklore. Literature]. *Izbrannye Trudy V 4-kh t.* [Selected works. In 4 vols]. Vladikavkaz, Ir, 1990, vol. 1. 638 p.
2. Fadeev, A.A. (ed.). *Kosta Khetagurov: Sbornik pamyati velikogo osetinskogo poeta* [Collection in memory of the great Ossetian poet]. Moscow, Goslitizdat, 1941. 251 p.
3. Khetagurov, K.L. *Polnoe sobranie sochinenii v pyati tomakh* [Collected works. In 5 vols]. Vladikavkaz, 2000, North Ossetian Institute for Humanitarian and Social Studies, vol. 3. 609 p.
4. Dzhusoitya, N.G. *Istoriya osetinskoj literatury. V 2 kn.* [History of Ossetian literature. In 2 books]. Tbilisi, Metsniereba, 1980, book 1 (XIX c.). 331 p.
5. Sjögren, A.M. *Religioznye obryady osetin, ingushei i ikh soplemennikov pri raznykh*

sluchayakh [Religious ceremonies of Ossetians, Ingush and their tribesmen in different cases]. *Mayak* [Lighthouse]. 1843, vol. VII, books 13-14.

6. Berzenov, N.G. *Ocherki ob Osetii* [Essays on Ossetia]. *Kavkaz* [Caucasus]. 1850, no. 15.

7. Shanaev, D.T. *Osetinskie narodnye skazaniya* [Ossetian folk tales]. *Sbornik svedenii o kavkazskikh gortsakh* [Collection of information about the Caucasian highlanders]. 1870, iss. 3.

8. Chursin, G.F. *Osetiny: Etnograficheskii ocherk* [Ossetians: An Ethnographic Essay]. *Trudy Zakavkazskoi nauchnoi assotsiatsii. Materialy po izucheniyu Gruzii. Yugo-Osetiya* [Proceedings of the Transcaucasian Scientific Association. Materials for the study of Georgia. South Ossetia]. Tiflis, Tip. gaz. "Zarya Vostoka", 1925, series 1, iss. 1, pp. 3–103, 132–232.

9. Salagaeva, Z.M. *Kosta Khetagurov i osetinskoe narodnoe tvorchestvo* [Kosta Khetagurov and Ossetian folk art]. Ordzhonikidze, Sev.-Oset. kn. izd-vo, 1959. 196 p.

10. Khetagurov, K.L. *Polnoe sobranie sochinenii v pyati tomakh*. [Collected works. In 5 vols]. Vladikavkaz, 2000, vol. 4. 505 p.

11. Nogmov, Sh.-B. *Istoriya adykheiskogo naroda, sostavlenaya po predaniyam kabardintsev Shora-Bekmurzin-Nogmovym, dopolnennaya predisloviem i ispravlenaya synom ego Erust.-Shora-Bekmurzin-Nogmovym. 3-e izd., dop.* [The history of the Adychean people, compiled according to the legends of the Kabardians by Shora-Bekmurzin-Nogmov, supplemented by a preface and corrected by his son Yerust.-Shora-Bekmurzin-Nogmov. 3rd ed., add.]. Pyatigorsk, Erustan-Shora-Bekmurzin-Nogmov, Tip. I.P. Afanaseva, 1891. 144 p.

12. Khetagurov, K.L. *Polnoe sobranie sochinenii. V 5-ti t.* [Collected works. In 5 vols]. Vladikavkaz, North Ossetian Institute for Humanitarian and Social Studies, 1999, vol. 1. 485 p.

13. Akhlaikov, A.A. *Istoricheskie pesni narodov Dagestana i Severnogo Kavkaza* [Historical songs of the peoples of Dagestan and the North Caucasus]. Moscow, Nauka, 1981. 228 p.

14. Kravtsov, N.I., Lazutin, S.G. *Russkoe ustnoe narodnoe tvorchestvo. 2-e izd.* [Russian oral folk art]. Moscow, Al'yans, 2014. 446 p.